

**ВОСПОМИНАНИЯ
РУССКОГО
СОЛДАТА
О ПРЕБЫВАНИИ
ВО ФРАНЦУЗСКИХ
ЛАГЕРЯХ**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

В. И. НОВИКОВ

МЫТАРСТВА РУССКИХ СОЛДАТ

ВОСПОМИНАНИЯ РУССКОГО СОЛДАТА
О ПРЕБЫВАНИИ ВО ФРАНЦУЗСКИХ ЛАГЕРЯХ

1929
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ЛЕНИНГРАД

О Т П Е Ч А Т А Н О
в 1-й Образцовой типографии
Гиза. Москва, Валуевая, 28.
Главлит № А-46704. А. 32
Гиз № 35230. Заказ 2700.
Тираж 10 000. 1 л.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	<i>Стр.</i>
От редакции	5
За границу	7
На македонском фронте	9
В лапах французского империализма в Африке	14
В крепости	18
На виноградниках	26
Возвращение в Страну советов	29

ОТ РЕДАКЦИИ

Тов. Новиков, Василий Никитич, сын крестьянина Владимирской губ., в настоящее время работает в ремонтных мастерских московского водопровода МКХ.

В дни керенщины, когда ставшая у власти русская буржуазия продолжала начатую самодержавием братоубийственную войну, когда Временное правительство рука об руку с союзниками по-прежнему губило на фронтах рабочих и крестьян, — в эти дни т. Новиков был завербован союзниками в инженерно-технический батальон, отправленный на французский фронт. После октябрьского переворота т. Новиков, как и другие русские солдаты, выброшенные за кордон сражаться с «неприятелем», отказался от братоубийственной войны. Рассвирепевшая французская военщина думала силой огня заставить русских солдат воевать. Но ни расстрелы в Куртине (Франция), ни голодная жизнь в колониях империалистов не сломили революционно настроенных русских солдат.

Их требование об отправке в Советскую Россию было с угрозами отвергнуто, и вместо желанной

Страны советов они были отправлены на принудительные работы в Африку.

Тов. Новиков сам перенес все те лишения, которым подвергали русских солдат бессильные в своей злобе «миролюбивые» империалисты. Только Брестский мир вынудил последних отправить в ненавистную для них Советскую республику русских солдат.

В этой книжке т. Новиков, вернувшийся вместе с другими в Советскую Россию, рассказывает обо всех тех лишениях и издевательствах, которым подвергались русские солдаты во Франции.

ЗА ГРАНИЦУ

Я служил во 2-й роте 85-го пехотного запасного полка, когда в июне 1917 г. стали вербовать желающих отправиться во Францию, в инженерно-технический батальон. Я был в числе желающих.

14 июня 1917 г. части 55-го, 84-го и 85-го запасных полков выехали из лагерей на Ходынке и направились в Архангельск. В Архангельске мы пересели из вагонов на французский пароход «Мельбурн».

По внешности пароход неплох: двухтрубный, с тремя мачтами, на которых устроен беспроволочный телеграф. Но внутри оказалось грязно, нары были скучены в три ряда, воздуха было мало...

На пароходе 900 человек: 700 русских солдат, 80 матросов да 120 штатских. Едем. Иногда нас сильно покачивает. Ночью на пароходе гасят огни, и мы, как воры, крадемся в темноте, чтобы не быть замеченными неприятелем.

6 сентября мы выехали из Ледовитого океана в Атлантический. Холодное течение сменилось теплым. Вечером этого дня для большей безопасности пароход провожали 12 сторожевых английских судов.

На пароходе первое время нас откармливали, как быков на убой. Мы получали разные супы, жа-

ренное мясо, белый хлеб. Но потом стали кормить хуже и вместо хлеба давали только по 6 галет.

11 сентября прибыли в Шотландию, в Инвен-гордон, и стали разгружаться. Оттуда через Лондон нас перевезли в портовый город Фолкстон. В то время на него часто налетали немецкие аэропланы и сбрасывали бомбы. Жители сидели в домах с закрытыми ставнями, однако и это не спасало: в день нашего приезда было убито бомбами 20 человек и 70 ранено.

Из Фолкстона мы, переехав вместе с английскими солдатами пролив Па-де-Кале, высадились в Булони, на французской земле. Из Булони нас направили в г. Оранж, где мы узнали о произведенных расстрелах наших солдат в местечке Куртине (Франция). Этими расстрелами мы все были возмущены до последней степени. Стихийно состоялось собрание всех находившихся там русских солдат. На этом собрании очевидцы рассказывали о том, как расстреливали в Куртине русских солдат за то, что они не хотели повиноваться Временному правительству. Из 8 тысяч пехотинцев было убито и ранено несколько сот, а те, кто не хотел действовать по указке союзников и Временного правительства, были сосланы в Африку.

* * *

В Марселе, в котором мы остановились по пути в Салоники, в то время находились африканские

войска. Одеты они были кто во что. Многие солдаты ходили босиком. Нас, русских, не пускали прогуляться по городу, хотя свободного времени было порядочно. Кормить стали еще хуже.

Из Марселя на русском пароходе «Адмирал Чихачев» через военный порт Тулон мы отплыли в Грецию. В Тулоне французы не приняли от нас с парохода двух опасно больных, ссылаясь на то, что под видом больных могут скрываться шпионы.

Через город Бон и через острова Милос и Скирос (путь наиболее безопасный от нападения неприятельских подводных лодок) мы направились в Салоники.

НА МАКЕДОНСКОМ ФРОНТЕ

В то время в Салониках находились солдаты различных национальностей: русские, английские, французские, сербские, арабы и негры. Братоубийственная война посеяла нищету также и среди местного населения. Много бедноты приходило к нам просить хлеба. Приходили большей частью дети и жены сербских солдат.

Из Салоник мы выехали во Флорину и недалеко от города расположились в палатках. Местность вокруг была гористая, на некоторых горах виднелся снег. Утром мерзли ноги, а днем, несмотря на то, что было уже 15 октября, стояла жара. В город нас не пускали. Говорили, что там находится ставка командующего союзными армиями. В 30 километрах от нас — позиция. Каждый день играла полковая

музыка, «подбадривая» уезжающих на фронт солдат французской армии, которых отправляли по несколько эшелонов в день. Каждый день летали аэропланы. Иногда происходили воздушные бои.

Здесь русские солдаты рассказывали нам, как они в июне 1917 г. вступали в город Афины. Сначала туда направились англичане и французы, но греки стали в них стрелять. Русских же встретили с музыкой и без боя отдали арсенал и весь город. Голодовка в городе тогда была большая, — женщины продавались за кусок хлеба.

— Батяка наш духовный, — рассказывали товарищи, — согрешивши, получил в наказание венерическую болезнь.

Деревня, в которой расположился наш батальон, называлась «Песочня». Дома у местных жителей крыты черепицей. У домиков огороды и садики. Македонцы очень трудолюбивы и почти не употребляют спиртных напитков. Как видно из разговоров с ними, до войны они жили неплохо.

12 ноября среди нас разнеслась весть о том, что Керенский скрылся, а власть в России взяли рабочие во главе с Лениным. Тогда многие этому не верили. Ходили слухи о том, что Англия и Америка отказались помогать России, что Керенский не то застрелился, не то удавился, что Каледин занял Вязму и идет с 30 тысячами казаков на Москву, что солдатам на фронт не посылают провианта, так как они не идут против большевиков, и наконец

слухи о том, будто Россия ведет с Германией переговоры о мире.

Из газет нам давали читать только «Русский вестник», правды в котором было немного. 28 ноября в «Русском вестнике» было напечатано, что партия советов захватила в Москве арсенал, а командующий Рябов окружил Кремль юнкерами. 3 декабря произошел слух о том, что Россия заключила мир с Германией и Австрией. Находясь на македонском фронте, мы не знали ничего достоверного. Верно было лишь то, что 5 декабря болгары перестали стрелять в русских, а палили вверх. Мы уже начали беспокоиться, не обманывают ли нас и не проданы ли мы французам как невольники.

Главнокомандующий русскими войсками на французском и македонском фронтах генерал Занкевич, находившийся в Париже, подписывал приказы против большевиков от имени всех солдат. Но это была ложь.

18 декабря македонец, у которого мы стояли на квартире, читал прокламации Болгарского исполкома. В Болгарии революция, Фердинанда нет, Болгария не хочет воевать с Россией.

Мы попрежнему беспокоились о нашем положении, собирались и толковали о том, чтобы нас отправили в Россию. Но дивизионный и офицеры упирались, говоря, что в России голод и междоусобная война.

Целью выяснения нашего положения мы подали ротному командиру соответствующее заявление, но вместо ответа нас обвинили в подпольной агитации. Меня вызвали в комитет роты для объяснений. После на собрании я выступил по поводу обвинения меня «подпольной агитации». Я разъяснил общему собранию приказ по армии и флоту, где в параграфе 3 говорилось о том, что каждый военнослужащий во внеслужбное время имеет право свободно и открыто высказывать и исповедывать устно, письменно или печатно свои политические, религиозные, социальные и прочие взгляды.

Но как видно, не для комитета роты был писан этот приказ. Положение наше становилось незавидным. Ходили слухи, что русских солдат во Франции заставляют работать по 16 часов в сутки.

8 января нас отправили в г. Веррию. Что ждет нас впереди — мы не знали. Наши делегаты, ездившие в Салоники, говорили, что русский консул и генерал не признают советского правительства, и следовательно мы принуждены оставаться в распоряжении французов. Командир батальона сообщил, что первую русскую дивизию во Франции распределял по партиям и заставили работать. Некоторых отправили на работы в Африку. Может быть и нас ждет такая же участь?

На собрании роты мы потребовали отправки в Советскую Россию, вынесли резолюцию об единодушном признании советского правительства и

пожались бороться с теми, кто будет нас притеснять. Постановили послать делегата к французскому генералу Гамбетте за разъяснениями. Но ротный командир сказал, что Гамбетта никакой делегации от солдат не примет и может говорить только с начальниками отдельных частей.

В конце января 1918 г. произошла разбивка русских частей при г. Веррия на три категории: 1) желающих идти на позиции, 2) добровольно идти работать на «оборону» к французам и 3) отправиться на принудительные работы, т. е. ехать в Северную Африку. 75 человек из нашей роты (в том числе и я) выбрали третью категорию: мы решили лучше страдать, чем добровольно идти на позиции или работать на «оборону» французского империализма. Вместе с нами были 466 человек из 2-го особого инженерного батальона, команда выздоравливающих и штаб дивизии. Всех набралось около 2 тысяч человек. Третья категория попала в положение пленных, и мы были окружены французскими и колониальными войсками. Наши комитеты и суды были аннулированы. К солдатам, избравшим третью категорию, отношение резко изменилось: нам стали давать голодный паек (100 грамм хлеба на человека); к речке, протекавшей тут же, не пускали, так как за провололочные заграждения разрешалось выходить только раз в сутки.

Голодных, нас погрузили в вагоны. На пути к вокзалу солдаты первой и второй категорий бро-

сали нам хлеб, папиросы и разные продукты. Те, кто сопровождали нас с шашками наголо колоннальные и французские солдаты не давали этим воспользоваться: тому, кто нагибался за хлебом, от конвоев здорово попадало.

Мы приехали к какой-то гавани на Эгейском море, находящейся в 10—15 километрах от Салоник. Здесь нас пересадили на большой, многоэтажный пароход. Капитан парохода сказал, что если мы будем вести себя тихо и не будем скандалить, то он будет всех хорошо кормить и выпускать на прогулку по палубе. Однако хлеба нам давали очень мало, а проветриться на палубу почти не выпускали.

В Африку мы ехали тем же путем, что и в Грецию: через острова Скирос и Милос. Бывший на пароходе священник сказал, что в Африке мы прождем недолго. Однако точных сведений на этот счет мы не имели.

Остров Мальта, около которого мы стояли двое суток, нам удалось видеть только из окна уборной, так как нас перестали выпускать на палубу. От плохого питания у солдат впали щеки, ввалились глаза. Все эти лишения мы терпели только за то, что отказались воевать и пожелали вернуться в страну Советов.

В ЛАПАХ ФРАНЦУЗСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В АФРИКЕ

10 февраля 1918 г. мы подъехали к городу Бизерта, военному порту в Африке. Отсюда нас отпра-

вили в г. Тибесса. Из окон вагона мы смотрели пальмы и другие тропические растения, которых у нас в России не растут. В Тибессе нас со старшим под караулом направили к месту заключения. Мы шли по равнине, на которой паслись большие стада разного скота, бродили верблюды.

Место нашего заключения было обнесено каменной стеной и проволочными заграждениями. Мы поместили в конюшнях для лошадей и в поставленных нами самими палатках. Африканские солдаты и жители Тибессы не понимали, за что нас арестовали.

Комендант города обещал за хорошее поведение нас сносно кормить и пускать в город. В ожидании обещанного мы собрали деньги и послали находившихся около нас арабов за хлебом. Когда арабы принесли хлеб, все с жадностью набросилось на него, — чуть было не подрались. Кормили нас голодом и в то же время не давали ходить за покупками. Двое товарищей — Варганов и Попов, — прибравшиеся в город с целью закупки продуктов, были арестованы и отведены в одиночки. Потом были арестованы еще двое товарищей — Рагозин и Жилиных — неведомо за что. Некоторые не выдерживали полуголодного существования и переходили во вторую категорию. Тогда мы на собрании решили самоубийствоваться и во вторую категорию никому не переходить, так как эта слабость дает возможность притеснять нас все больше и больше.

Наше положение было таково, что дело дошло чуть ли не до ежедневных вылазок через высокую ограду крепости в город за продуктами. Эти вылазки редко оканчивались благополучно. Чаше же французы отнимали закупленное и кроме того имели наглость тут же втроедорога продавать отнятый хлеб. Голодные русские солдаты отдавали последнее, чтобы хоть немного насытиться. Помещения наши были сыры, дров не давали. Нечем было вытопить печку, чтобы вскипятить воды. Все настойчивее переманивали нас во вторую категорию. Переводчик долго уговаривал одного товарища перейти во вторую категорию, но тот отказался. Мы твердо решили не сдаваться, тем более что стали получаться анонимные письма, в которых нас призывали не приступать к добровольным работам ввиду предстоящей в ближайшее время отправки в Россию. Эти письма подбадривали нас, но не надолго.

8 марта нам совсем не дали хлеба. Переводчики собрали фельдфебелей и в присутствии коменданта Тибессы официально сообщили, что выдача продуктов совершенно прекращается. Один из французских офицеров заявил: «Мы измором заставим вас работать и отправим на работы в Южную Африку».

Началась голодовка. Некоторые товарищи ухитрялись сначала покупать хлеб через арабов-часовых. Но не всем это удавалось; с деньгами, отданными на хлеб, приходилось прощаться: деньги

брали, а хлеба не приносили, и жаловаться нельзя.

Голод брал свое: на четвертый день в категории перешло 130 человек. Постепенно ходить стали целыми группами, так как все «зеленое» из помойки было уничтожено, и даже сучья зеленой травки, росшая на дворе, была поджата голодными солдатами.

Комиссия из французских офицеров пришла к нашим ротных, взводных и отделенных и заявила им: «Участь ваша решена. Мы отправляем вас на работы». И все же мы попрежнему отказывались переходить в другие категории. На шестые сутки каждому дали по 100 грамм хлеба, а больным и слабосильным, не могущим встать, — по 200 грамм.

Вскоре меня вызвали во французское военное управление и стали допрашивать:

— Вы работали в революционном комитете в Салониках?

— Да, мы по примеру Советской России организовали в роте революционный комитет, и я в нем работал.

— За вашу деятельность в комитетах вы арестованы!

Меня обыскали и под конвоем проводили в тюрьму. Это было 12 марта 1918 г. Я попал в ту камеру, где находились четверо товарищей — Жидких, Тищенко, Макаров и Попов, — которым я очень обра-

довался. По очереди мы убрали тюрьму и выносили парашу. Однажды, вынося мусор, я заметил валявшийся на полу коридора окурок. Давно лишенный табака, я не прочь был воспользоваться даже окурком. Часовой-араб, заметив это, дал мне целую папиросу. Как видно «колоннальные дикари» добрее образованных европейцев.

На шестнадцатые сутки нас отправили в г. Сукарассе, где мы соединились с арестованными товарищами из 1-й и 2-й рот. Их было 52 человека. Оттуда нас перевезли в Алжир — старинный город с прекрасными пальмовыми аллеями. Из Алжира в товарных вагонах мы поехали в город Афревиль и высадились на станции Миллиена. Со станции нас повели на этапный пункт, где находились русские солдаты из 1-й и 2-й дивизий. Пункт был обнесен густыми проволочными заграждениями. Всех нас было 76 человек. Здесь, на этапе, нам говорили многое и грозили каждому даже расстрелом. С этапа нас отправили в г. Оран и отвели на взморье в форт-крепость Мер-ил-Кебир.

В крепости

Крепость Мер-ил-Кебир находится приблизительно в 10 километрах от Орана. Когда-то этот форт принадлежал Испании и имел название «Святого Ангела». Теперь он находится в руках Франции. Французы заключили нас в крепость как политических преступников, по прибытии обыскивали.

Два французских офицера приказали, во-первых, отстриться, во-вторых, при появлении офицера и да лейтенанта вставать и отдавать честь.

Через несколько дней всех нас выстроили в ряд и предложили добровольно идти на работы, но так как все равно работать заставят силой. Мы отказались. На следующий день нам убавили порцию хлеба и все же заставили таскать воду, сливая ее в большой деревянный бак, а оттуда перекачивать крыльчатыми насосами в верхний бак. Работали на голодный желудок. Когда носили воду на кухню, я не выдержал и с жадностью набросился на валявшиеся в углу кости. Я глодал оставшиеся на костях кусочки мяса, не замечая, что они были с червями.

После этого мы решили идти работать добровольно, так как упорствовать и голодать дальше, в то время когда все сдались, было бесполезно, тем более что работа, которую мы должны были выполнять, не могла причинить вреда Советской России. В этом отношении наша совесть была чиста. Однако нас все-таки продолжали кормить плохо и собирались даже убавить порцию. Я стал чувствовать, что силы постепенно оставляют меня.

Нас перевели в другое помещение, расположенное в форту у самого Средиземного моря. Из окон видно рыбаков, которые на парусных суденышках ловят рыбу, местечко с домиками и купальнями на море, сияющим под южным солнцем. А у нас с го-

духи подводит животы, и кишки не дают покоя.
Кормить стали еще хуже: полкотелка супу на двоих.

По поводу этой тяжелой жизни русские солдаты
сочинили такую песню:

«Среди песков, вдали от мира,
В кругу угрюмых дикарей,
Питаясь рисом из Алжира,
Страдали тысячи людей.

Свирепый взгляд охраны дикой,
Гроза — начальник молодой,
И пулемет араба с пикой
Всегда мы видим пред собой.

Угроза быть на штык надетым,
Бежать среди двух лошадей,
Ходить всегда в песке раздетым,
Ни есть, ни пить по многу дней.

Так отбывали наказание
Сыны России молодой
В далекой Африке, в изгнании,
За клич «Ни шагу больше в бой!»

Пора с Россией повидаться,
Побывать в кругу семьи родной,
С ружьем в руках довольно драться
И крикнуть всем: «Войну долой!»

Поставить крест на поле брани,
Где много так легло людей,
Забыть про все поля Шампани
И ждать отправки кораблей.

И вдруг все рухнуло, пропало,
Исчезли все мечты во тьме,

Пронзенных пулею немало
И много уж сидят в тюрьме.

За что, спросить, стреляли пушки,
Трещал французский пулемет,
А там за боем на опушке
Сидел Занкевич¹ идиот?

За что так грабили бесчестно,
Снимали все до сапогов,
Ужель ногами так стало тесно
И нехватало башмаков?

Ну, будьте ж прокляты, тираны
И паразиты из Курно,
С победой бейте в барабаны
И пейте красное вино!

Мы будем есть по четверть булки,
Ломать камни среди песка
И делать адские прогулки,
Не смея кончить без свистка.

Конец придет наверно скоро,
Судьями будет вам народ,
Вы не уйдете от позора
И вам в Россию нет ворот.

К нам пригнали еще 85 товарищей из Тибессы и Сукарасса. Мой друг т. Рагозин получил письмо из Тибессы от т. Курочкина. В письме сообщалось, что все русские солдаты в г. Тибессе перешли на работы, за исключением 30 человек, которые

¹ З а н к е в и ч — генерал, командующий дивизией во Франции.

арестованы и направлены к нам в форт Мер-ил-Кебир. Кроме того т. Курочкин писал, что Франция будто бы предлагала Германии отправить нас в Россию через германскую территорию, но Германия отказалась.

Стали носиться слухи, исходящие от французов, что нас скоро отправят на работы, но куда — неизвестно, как будто бы в Марокко.

Вскоре пригнали еще 19 товарищей, закованных в кандалы. Они сообщили кое-какие новости: Париж окружен немцами и бомбардируется; во французских газетах пишется о том, что в России анархия и немцы вместе с Украинской радой заняли Одессу, Екатеринослав и приближаются к Курску; немцы своими подводными лодками в Средиземном море прервали сообщение Франции с Африкой. Последняя новость очень важна. Если Африка, эта житница французской буржуазии, будет отрезана от Франции, то ее капиталистам — капут. Пока же местное население Туниса, Алжира и Марокко (Северная Африка) является рабами «прекрасной» буржуазной Франции, которая их беспощадно эксплуатирует, выжимая последние соки и облагая разными налогами. Например за одну лошадь берут в год 10 франков, за корову 8 франков, за курицу 50 сантимов, забирают две трети всего хлеба и прочее.

Теперь нас в форту 325 человек и почти все — подпрапорщики, фельдфебеля, унтер-офицеры, ефрей-

торы. Таких, как я (не спецвояка), раз-два — и обчелся. Однажды к нам пришел французский полковник и стал спрашивать о том, не имеем ли мы каких-либо претензий. Глупо было конечно отвечать на такой глупый вопрос, — ведь он знал, что арестованы мы только за желание вернуться в Советскую Россию. Однако мы пожаловались на плохую пищу.

Из местных французских газет вычитали, что в России полный беспорядок. Из этого мы сделали вывод, что нас будут держать еще долго и следовательно надо запастись терпением.

В камере вывесили приказ о беспрекословном подчинении французским властям и предупредили, что за порчу этого приказа до нахождения виновника будут арестованы все.

Приказ по дисциплинарному отряду:

Русские солдаты, живущие в крепости, подчиняются французской военной дисциплине.

Они должны соблюдать следующее:

1. Когда офицер или унтер-офицер обращается к солдату, тот должен встать смирно и отдать честь.
2. При уходе солдат должен отдать честь и сделать полуоборот от начальника.
3. При входе офицера в комнату первый увидевший его командует «смирно». Каждый солдат должен спешить к своей кровати¹, снять фуражку и стоять смирно до команды офицера

¹ Которых, кстати сказать, у нас не было — мы спали а полу.

«вольно». При команде «вольно» солдаты могут надеть фуражки, но должны оставаться на своих местах молча и неподвижно.

4. При встрече с офицерами солдаты должны отдавать честь, хотя бы они в это время работали.

О корреспонденции.

Русские солдаты имеют право посылать по одному письму каждый два раза в месяц — 15-го и 30-го числа; при этом на верхней части конверта должны писать свою фамилию и имя, а также и свой адрес.

Подпись (поручика, командующего дисциплинарным отрядом).

Как бы в ответ на события, происходившие в то время в России, с нами стали обращаться еще более жестоко. Товарищей Дроздова и Москвина засадили в одиночную темную кутузку на 45 суток только за то, что они позволили себе выписать пару белья, а моего друга, т. Макарова, за покупку сигарет заключили на 30 суток. Были арестованы арабы за то, что хотели снабдить нас, полуголодных, сотней буханок хлеба.

Товарищи из Франции писали о той тяжелой работе, которую они там выполняли: били камни, свозили лес.

«Некоторые товарищи, — писали они, — не выдерживают и поступают в иностранные легионы».

За неотдание чести французам их арестовывали на 30 суток и отправляли в Африку.

Из Сукарасса, Тибессы и Крейдера пригнали еще партию солдат в 85 человек. Всего нас набралось

300 человек. Разрешили покупать хлеб и папиросы, выписывать газеты. Мы отлично понимаем, что в газетах о России писали неправильно. Эта газета говорила например о том, что Ленин то бы признал Скоропадского, гетмана Малосии.

Вскоре меня послали работать на кухню. Работ с 6 часов утра до 7 часов вечера, к концу дня я настолько уставал, что еле двигался. Однако я имел возможность хоть вечером посидеть над обрывком у Средиземного моря и немного отдохнуть на чистом воздухе. От трудной работы хотел было бежать с кухни, решив лучше отсидеть в одиночке, но потом раздумал. Нам пятерым, работавшим на кухне, выдали 15 франков на вино, а французскому повару, арабу, 6 франков. Так «щедро» расплачивались за услуги французской буржуазии с теми, кого заставляли работать сверх человеческих сил. Они думали, что вино зальет глотки, из которых иначе вырвется крик протеста против невиданных притеснений.

Меня, как и других товарищей, тянет в свободную Россию. А насчет России ходят разные слухи: говорят, будто Ленин нашел 20 миллиардов рублей. Что же? Это неплохо. Однако ничего достоверного о России мы не знаем. Тов. Рыбакову друзья из Крейдера пишут, что русских будут отправлять из Африки в Россию в конце августа. Наше же начальство, комендант крепости Мер-ил-Кебир, ничего не говорит относительно нашей отправки.

Французские власти продолжают морить голодом тех, кто отказывается от работы.

Работая на кухне, я видел, как кормили отказавшихся. Еле передвигая ноги, поддерживая друг друга, они под конвоем приходили на кухню получать свою скудную бурду. На кухне «питание» распределялось так: те, кто хотел идти на работы, получали на двоих котелок мясного супа с хлебом, а те, кто отказывался, — котелок пустой жидкости на двоих — и больше ничего. Ни хлеба, ни мяса им не давали. Однажды, когда полуголодные товарищи не пришли, а приползли на кухню, я предложил им переходить к нам в камеры, вниз. Но они пока что отказались. Не желая видеть больше страданий голодающих, я перешел на другую работу: плести маты из жесткой травы. Из нашей камеры сбежали двое: Иванов и Борисов. По этому поводу всех нас опрашивали, но никто не знал, когда и куда они скрылись.

Постепенно дни шли за днями. Уже август стоял на исходе, а об отсылке нас в Россию никто не думал. Зато кто-то позаботился о холостяцкой участи русских солдат. Последним разрешили в Африке жениться, и некоторые воспользовались этим разрешением.

НА ВИНОГРАДНИКАХ

В начале сентября нас отправили работать на виноградниках под городом Ораном. Две недели мы резали виноград, а потом прекратили работу,

предъявив хозяину ряд экономических требований. нас перевели на новую ферму при местечке Ри-Солядо.

Накануне годовщины Октябрьской революции мне удалось прочесть у товарищей где-то ими раздобытую прокламацию Совета народных комиссаров, обращенную к русским солдатам, находящимся во Франции.

«Не принадлежа более к воюющим державам, Россия во время требует отправки на родину русских войск, находящихся во Франции, и заявляет протест против факта задерживания их так долго во Франции, против записи их в иностранный легион французской армии, против бесконечных преследований, которым их подвергают. Русские солдаты во Франции все время и постоянно отказывались идти в иностранный легион. В настоящий момент французские войска выступили с вредными действиями против революционной Российской республики, и следовательно русские солдаты, участвуя в французской армии, косвенно участвуют и в ее войне против революционной России. Вследствие этого Совет народных комиссаров приглашает всех русских граждан во Франции противиться всеми возможными способами записи русских солдат во французскую армию. Те же из русских граждан, которые будут побуждать к поступлению в нее, а также и добровольно поступающие в легион, объявляются Советом народных комиссаров врагами республики и революции».

Прокламация подписана:

Председатель Совета народных комиссаров *Ульянов-Ленин*.

Комиссар по иностранным делам *Чичерин*.

Народный комиссар *Бонч-Бруевич*.

12 ноября мы узнали об официальном заключении мира между империалистами. По случаю окон-

чания войны здания были украшены разными флагами. На проходивших мимо нас паровозах также развевались флаги. Французы торжественно палили из пушек: было сделано шесть холостых залпов. И вскоре тут же были арестованы, неизвестно за что, двое товарищей.

Французский генерал Невель, командовавший верденским фронтом, сказал нам, что русских солдат отправят, как только будут свободные пароходы. В ожидании этого счастливого дня нам приказали выбраться из барачных на поле в палатки. Живем под открытым небом, почти каждую ночь перепадают дожди. Ветрено. Первая и вторая роты работают на казенной ферме, а дисциплинарный батальон, помещающийся за проволочными заграждениями, работает отдельно, под конвоем.

Газеты, которые доходят до нас, пишут, что Германия находится в руках народа и солдат, что там появились народные комиссары, что Вильгельм бежал со своими чадами и домочадцами на двенадцати автомобилях в Голландию, где и поселился в каком-то замке...

В начале декабря стали ходить слухи о том, что заключение мира между Францией, Англией и Германией отложено до января или апреля 1919 г. В связи с этим наше положение стало неопределенным, и мы еще больше стали волноваться по поводу нашей отправки. И арабы стали какими-то скучными, спрашивают нас:

— Почему вы не уезжаете в Россию?

— Мы и сами не знаем, почему французские власти так долго нас задерживают...

17 декабря отправили дисциплинарный батальон Сайдо, а оттуда, говорят, в Россию. Французы отправляли русских солдат в Марокко; среди них были и наши товарищи: Шевцов, Шитов и другие.

Мои товарищи — Макаров, Попов и Бородавка — были арестованы и посажены в одиночное заключение на 15 суток за то, что отказались работать на ферме.]

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СТРАНУ СОВЕТОВ

Уже год, как мы сидим в крепости Мер-ил-Кебир. Демобилизованные французские солдаты, проезжая мимо нас из Марокко, говорят, что месяца через два отправят в Россию и нас. Между тем о России газеты сообщают такие новости: большевики взяли Херсон и идут на Одессу; портовый город Николаев также взят большевиками; в Москве было покушение на Ленина, проезжавшего в автомобиле; Гоффер ранен, а Ленин остался невредим.

4 апреля 1919 г. нам сообщили, что 45 человек из нас отправляют в Россию. В это число попал и я. На следующий день в 11 часов вечера мы выехали из Орана. Из Орана на пароходе «Тулон» направились в Марсель (Франция). По дороге караул не выпускал нас на палубу. После высадки в Марселе вечером

всех нас отправили пешком через город на вокзал. По пути следования через Париж к Балтийскому морю к нам были присоединены еще 776 русских и 125 германских военнопленных. Вечером 24 апреля мы подъехали к островам Финляндии, а через два дня остановились в порту Ганге. Финляндия отказалась пропустить нас через свою территорию. В день интернационального праздника 1 мая наш пароход был отведен в открытое море. В это время у нас проходили оживленные беседы. Член миссии Красного креста т. Арманд говорила нам о диктатуре пролетариата, о социал-демократии, социал-революционерах, анархистах и большевиках, объясняла сущность национализации земли, банков, промышленности. Через несколько дней после этого миссию, состоявшую из трех членов — Датфьяи, Мануильского и Арманд, — под усиленным конвоем отправили в Россию.

Относительно нас было сообщено, что к 1 июня ни одного русского солдата из нашей партии не будет в Финляндии. Пока же, в ожидании отъезда в Петроград, многие удили рыбу, купались, играли в шахматы и шашки, читали книги и газеты.

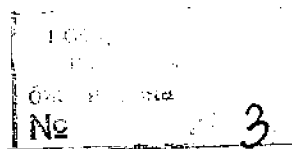
27 мая мы выехали в товарных вагонах и на следующий день в 2 часа дня подъехали к границе, к станции Белоостров. Тут уже наши красноармейцы. Одеты все они по-разному, и только у всех одинаковая красная звезда на фуражках.

Мы вышли из вагонов, прошли полтора километра до нашей русской станции и стали ждать поезда на Петроград.

О нашем приезде в этот день на станции не знали, однако собрался народ, и нас приветствовали. В 10 часов вечера прибыл из Петрограда поезд, и нас разместили в классных вагонах. Это было роскошью по сравнению с тем, что мы испытали по дороге из Африки.

29 мая в 6 часов утра мы прибыли в Петроград. На Варшавском вокзале нас прежде всего приветствовал плакат с надписью: «Добро пожаловать, дорогие товарищи, в свободную Россию!»

Конец нашим мучениям! Мы в свободной советской стране!

21

